

Ю.Ю. Ишутин (Москва, Россия)

Эволюция мотива смерти в лирике М.Ю. Лермонтова

Аннотация: В статье последовательно рассматривается развитие мотива смерти в лирическом творчестве М.Ю. Лермонтова. В 1828–1832 гг. для поэта этот мотив связан с чувством непреодолимого страха перед гибелью. В 1833–1836 гг., дистанцируясь от явления смерти, Лермонтов уже не относит страх небытия к личным переживаниям, что намечает перспективу реализации данного мотива в завершающем периоде творчества. В 1837–1841 гг. смерть для лирического героя Лермонтова становится философской категорией. Гибель человека представляется как гармоничное завершение земного пути, которое актуализирует душевную жизнь человека и связанные с ней чувства, что отличает данный период лирического творчества от предыдущего, когда главным аспектом смерти была физическая гибель человека.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, лирика, мотив смерти, эволюция, автобиографизм, физический аспект смерти, философский аспект смерти

Yu. Yu. Ishutin (Moscow, Russia)

Evolution of the Death Motif in Lermontov's Lyrics

Abstract: The article deals with the death motif development in Lermontov's lyrics. In the 1828–1832s the motif linked with the sense of the insurmountable fear of death. In the 1833–1836s Lermontov was gradually distancing himself of the phenomenon of death, he no longer attributed the fear of non-existence to his personal experiences, hence the perspective of the implementing this motif in the final period of the poet's works was outlined. In the 1837–1841s death became a philosophical category. Death of a person was being perceived as the peaceful end of the earthly path, that made relevant a person's inner life and related to a person's feelings. Consequently, the final period of Lermontov's works differs from the previous lyrics, where the key aspect was the physical death of a person.

Key words: Mikhail Lermontov, lyrics, the death concept, evolution, biographism, the physical aspect of death, the philosophical aspect of death

Тема смерти – одна из традиционных в поэтике романтизма. Она находит отражение в творчестве важнейших авторов первой трети девятнадцатого века

(В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин и др.), поэтому неудивительно само обращение М.Ю. Лермонтова к данной теме уже в раннем творчестве (1828–1832). Эволюция мотива смерти в лирике Лермонтова представляет интерес в связи с особенностями развития художественного мира поэта. Творческий метод развивается от раннего периода к позднему некими импульсами, из-за чего интерпретация Лермонтовым привычных образов и мотивов значительно изменяется от стихотворения к стихотворению. Так, например, в стихотворениях 1830 г. тема смерти непременно сопровождается ощущением ужаса перед исчезновением человека. Но начиная с 1833–1834 гг. смерть уже не вызывает непреодолимого страха. Напротив, гибель человека побуждает к философскому размышлению, а в стихотворениях позднего периода нравственные искания поэта ознаменованы преодолением смерти и обретением Бога, как, например, в гармоническом мире стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» (1841). Столь резкое изменение обуславливает важность изучения эволюции традиционных для романтической поэзии мотивов, в частности мотива смерти. Обращение к данной теме ясно очерчивает неверное понимание спонтанности творчества Лермонтова. За привычным для каждого читателя философским наполнением стихотворений «Сон», «Выхожу один я на дорогу...» кроется долгая творческая предыстория. Столь быстрое развитие привычных тем в лирике Лермонтова всё же поэтапно и закономерно. В связи с этим вспоминаются слова Б.Т. Удодова о Лермонтове: «Как обманчива кажущаяся на первый взгляд строгая простота и классическая ясность облика нашего поэта»¹.

Размышления о смерти в период 1828–1832 гг. вызваны во многом личными переживаниями поэта. Автобиографизм присущ в эти годы творчеству Лермонтова во всем его жанровом многообразии. Б.М. Эйхенбаум заметил, что стихотворения раннего периода «представляют собой нечто вроде лирического дневника»².

В ранних лирических произведениях осмысление смерти вызывает чувство страха, что особенно ярко проявляется в стихотворениях «Ночь I» (1830) и «Ночь II» (1830).

Герою произведения «Ночь I» видится существование после гибели:

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир – но было ей не до того³.

Представление о посмертной жизни детально описано поэтом:

Я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло...

Тревожное описание «бездушного пространства», хаоса соответствует внутренней жизни героя, ощущающего сильный страх смерти. В стихотворении есть важная деталь: душа мчится и слышит лишь «два противных диких звука», «два отголоска целая природы», которые «боролись – и ни один из них // Не мог на-

¹ Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. С. 6.

² Эйхенбаум Б.М. Лирика Лермонтова. Статьи о Лермонтове. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 289..

³ Здесь и далее тексты Лермонтова цитируются по изданию: Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957; Т. 1: Стихотворения. 1828–1831. 1954; Т. 2: Стихотворения. 1832–1841. 1954. 386 с.

зваться побежденным...». Здесь речь идет о глубоком мировоззренческом конфликте, имеющем несомненное отношение к личности автора, потому что неразрешимое противоречие двух начал – главная характеристика посмертной жизни, источник тревоги лирического «я». «Светозарный ангел» заставляет покаяться и – самое сложное – заслужить прощение у Бога: «Сын праха – ты грешил – и наказание // Должно тебя постигнуть, как других; // Спустишь на землю – где твой труп // Зарыт; ступай и там живи, и жди, // Пока придет спаситель – и молись... // Молись – страдай... и выстрадай прощенье...». Покаяние за грешную земную жизнь невозможно, поэтому страшно небытие после смерти: «Что если время совершит свой круг // И погрузится в вечность невозвратно, // И ничего меня не успокоит, // И не придут сюда простить меня?..»

В стихотворении «Ночь II» (1830) поэт также описывает страх гибели. В образе «неизмеримого скелета» воплощается смерть как всеразрушающая сущность: «И целые миры пред ним уничтожались, // И все трещало под его шагами, – // Ничтожество за ними оставалось!» Героя волнует не возможность собственной смерти, а необходимость выбора между двумя людьми: «Вот двое. – Ты их знаешь – ты любил их... // Один из них погибнет. – Позволяю // Определить неизбежный жребий...» Лирический герой буквально разрывается между двумя дорогами людьми, т.е. возникает неразрешимая проблема выбора, когда невозможно принять правильное решение. Посмотрим на строчки: «Тут невольный трепет // По мне мгновенно начал разливаясь, // И зубы, крепко застучав, мешали // Словам жестоким вырваться из груди...». Герой оказывается в безвыходной ситуации: «Ах! – и меня возьми, земного червя – // И землю раздробь, гнездо разврата, // Безумства и печали!..» Стихотворение полно неизмеримого отчаяния души перед гибелью всего, чем она дорожит.

В стихотворениях «Ночь I» и «Ночь II» изображается непреодолимый страх смерти, который приводит к мыслям о несправедливости Создателя (ср.: « – И я хотел изречь хулы на небо – // Хотел сказать: ... // Но голос замер мой – и я проснулся» – «Ночь I», 1830; и «...Долго, долго, // Ломая руки и глотая слезы, // Я на творца роптал, страшась молиться!..» – «Ночь II», 1830).

В стихотворении «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...», 1830–1831) гибель человека воспринимается как избавление от земных страданий: «Пора. Устал я от земных забот». Однако в этом произведении нет представления о спасительной посмертной жизни. После гибели человека могут ожидать сильнее страдания: «Пускай меня обхватит целый ад, // Пусть буду мучиться, я рад, я рад». Лирический герой желает этих страданий, поскольку в сравнении с земными страданиями даже адские муки не так страшны: «Но только дальше, дальше от людей». Интересно, что в стихотворении «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...») жизнь после гибели воспринимается так же мрачно, как и в произведениях «Ночь I» и «Ночь II».

Другое стихотворение 1830–1831 гг. «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...») на идейно-образном уровне чрезвычайно схоже с произведением «Ночь I» (герой возвращается на землю, чтобы продолжить свои страдания), поэтому близки друг другу и описания посмертной жизни. Герой, казалось бы, обретает покой после смерти: «Ни боли, ни тяжелых беспокойств // О будущей судьбе моей и смерти: // Все было мне так ясно и понятно...». Однако это ощущение обманчиво: «...Но лишь мой // Ужасный жребий ясно для меня // Начертан был кровавыми словами...».

Стихотворение «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...») начиная с 70-го стиха совпадает со стихотворением «Ночь I» от 48 стиха до конца произведения. Стихотворение «Ночь I» было написано раньше (оно датируется 1830 г. по находению в тетради б) и рядом исследователей рассматривается как первоначальная редакция стихотворения «Смерть», записанного в тетради 20. Столь частое обращение к мотиву смерти в раннем творчестве подтверждает особое значение этой темы для Лермонтова.

В 1833–1836 гг. поэт иначе воспринимает смерть. К примеру, в стихотворении «В рядах стояли безмолвной толпой...» (1833–1834) Лермонтов не связывает гибель «верного товарища» с чувством ужаса небытия. Это событие осмысливается, скорее, с бытовой точки зрения, намечается дистанцирование от явления смерти, которое в данном случае выражено через описание стандартных, штамповых переживаний («Прощай, наш товарищ...»). Бытовая окраска смерти передается в последних стихах: погибший «лишь крест деревянный себе заслужил, // Да вечную память меж нами!» В стихотворении 1836 г. «Умиравший гладиатор» лирический герой также дистанцируется от явления смерти. Гибель гладиатора здесь – это смерть физическая, частный случай гибели человека: «А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит, // Во прахе и крови скользят его колена...» Гибель гладиатора трагична, его «мутный взор» напрасно «молит жалости», однако умерший человек здесь, как и в стихотворении «В рядах стояли безмолвной толпой...», воспринимается со стороны, в отличие от рассмотренных стихотворений раннего периода, где умирает лирический субъект. В стихотворении «Умиравший гладиатор» нет личного трепета перед смертью, в отличие от раннего периода творчества Лермонтова. Интересно, что физическая гибель не так страшна сама по себе, как, например, в «Ночи I», и даже приравнивается к нравственной гибели цивилизации. Так, поэт описывает смерть поверженного гладиатора и «европейского мира» (ср.: «Напрасно – жалкий раб, – он пал, как зверь лесной, // Бесчувственной толпы минутною забавой...» и «Не так ли ты, о европейский мир, // Когда-то пламенных мечтателей кумир, // К могиле клонишься бесславной головою...»).

В лирическом творчестве зрелого периода отношение Лермонтова к смерти иное. Физическая гибель не столь важна. Так, в стихотворении «Сон» (1841) сохраняется ситуация гибели третьего лица, но дистанцирование от явления смерти происходит иначе: изображение физической гибели уже описательно и не сопровождается трагичными мыслями: «В полдневный жар в долине Дагестана // С свинцом в груди лежал недвижим я; // Глубокая еще дымилась рана, // По капле кровь точилась моя». Гораздо важнее душевный мир возлюбленной, которая вспоминает о герое: «Меж юных жен, увенчанных цветами, // Шел разговор веселый обо мне». Скорбь возлюбленной объясняется ее переживаниями за жизнь героя: «И в грустный сон душа ее младая // Бог знает чем была погружена; // И снилась ей долина Дагестана; // Знакомый труп лежал в долине той...». Трагизм смерти в стихотворении «Сон» отражен именно в нравственных переживаниях человека, а не в самой физической гибели.

Если в стихотворении «Сон» герой спит «мертвым сном», то в «Выхожу один я на дорогу...» он желает заснуть так, «чтоб в груди дремали жизни силы, // Чтоб дыша вздымалась тихо грудь...». Таким образом, здесь смерть едина в ее физическом и нравственном аспекте, а не разделена, как в стихотворении «Сон». В «Выхожу один я на дорогу...» мысли о собственной гибели не приводят к скорби. Ге-

рой обретает надежду на вечную жизнь. Существование после смерти благостно, духовно, оно наполнено любовью и верой.

Итак, в ранних лирических стихотворениях смерть страшна для поэта, она воспринимается как уничтожение, а существование после смерти как вечные муки (мы говорим именно «для поэта», поскольку лирика Лермонтова, особенно ранняя, чрезвычайно тесно связана с его впечатлениями и переживаниями как личности, с его первыми душевными потрясениями). Стихотворения этих лет отличаются автобиографизмом и могут восприниматься и читаться как личный дневник поэта. В 1833–1836 гг. в лирике Лермонтова смерть как феномен описывается иначе, происходит отстранение от личного отношения к феномену смерти в стихотворениях «В рядах стояли безмолвной толпой...» и «Умиравший гладиатор», где гибель предстает как физическая смерть третьего лица и сопровождается философско-историческим обобщением. С этих пор тема смерти не сопровождается чувством страха. В лирике 1841 г. вновь возникает тема смерти, однако отношение к ней совсем иное. Смерть воспринимается в ее душевном и физическом аспекте («Сон»), выражает окончание земного пути человека и продолжение жизни в особом сне, где есть место вере, любви и жизни («Выхожу один я на дорогу...»):

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

ЛИТЕРАТУРА

Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957; Т. 1: Стихотворения. 1828–1831. 1954. 452 с.; Т. 2: Стихотворения. 1832–1841. 1954. 386 с.

Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 701 с.

Эйхенбаум Б.М. Лирика Лермонтова. Статьи о Лермонтове. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 359 с.

REFERENCES

Eichenbaum B.M. (1961) Lermontov's Lyrics. The articles about Lermontov. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 359 p.

Lermontov M.Yu. Works: In 6 vols. Moscow; Leningrad. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1954–1957. Vol. 1: Verses. 1828–1831. 1954. 452 p.; Vol. 2: Verses. 1832–1841. 1954. 386 p.

Udodov B.T. (1973) M.Yu. Lermontov. Artistic Individuality and Creative Processes. Voronezh. Voronezh State University Press. 701 p.

Сведения об авторе:

Юрий Юрьевич Ишутин,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Yury Yu. Ishutin,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ishutinyura2908@yandex.ru